

На правах рукописи

РОМАНОВА ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА

**БОРЬБА ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ
ПОВОЛЖЬЯ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТЕРРОРОМ В 1905-1907 ГГ.**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань
2005

Работа выполнена на кафедре современной отечественной истории Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Казанский государственный университет.

Научный руководитель:	доктор исторических наук, профессор Тагиров Индус Ризакович
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор Точеный Дмитрий Степанович (Ульяновский государственный университет)
	кандидат исторических наук, доцент Ибнеева Гузель Вазыховна (Казанский государственный университет)
Ведущая организация:	Саратовский государственный социально-экономический университет

Защита состоится 21 апреля 2005 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.2, ауд. 1112

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан « 20 » марта 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Р.Г. Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. История отечественной политической полиции на протяжении XX века являлась и в настоящее время остается предметом внимания общества, в частности ученых.

Изучить государственный строй Российской империи невозможно без исследования государственного механизма и механизма функционирования государства.

Полицейские органы, в частности политическая полиция, традиционно занимали особое место в государственной структуре и играли важную роль в механизме функционирования отечественного государства. Одним из основных направлений внутренней политики российского самодержавия в 1905-1907 гг. было противодействие революционно-оппозиционному движению, в частности политическому террору – одному из методов деятельности радикальных партий.

В период Первой российской революции актуализируется в работе политической полиции антитеррористическая деятельность. Одной из причин этого было качественное изменение террора, что в условиях политического кризиса имело следствием резкое возрастание его социальной опасности. Противоборство политической полиции с революционерами на поприще террора не в последнюю очередь определило основные формы, методы функционирования данного органа и его эволюцию.

Предлагаемое исследование имеет определенную практическую направленность, так как любое демократическое общество заинтересовано в эффективной деятельности специальных служб по защите своих основ от посягательств экстремистов.

Объектом исследования выступают местные подразделения политической полиции. Они подразделяются на региональные, дислоцированные в губерниях подразделения Отдельного корпуса жандармов и Министерства Внутренних Дел, к которым относятся Губернские жандармские управления (далее - ГЖУ), Жандармские полицейские управления железных дорог (далее - ЖПУ ж.д.), охранные отделения и координирующие функционирование трех последних - районные охранные отделения (далее - РОО).

Предметом исследования является процесс функционирования местных подразделений политической полиции в аспекте их противодействия террору революционных партий и их сторонников.

Степень научной разработанности темы.

Историография, посвященная политической полиции, включает в себя десятки исследований. Однако ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не имеется специальных работ, посвященных изучению противодействия политической полиции Российской империи революционному террору.

В исследовании проблемы можно выделить ряд периодов.

Первый охватывает 1909 г. - февраль 1917 г. Среди немногочисленных работ обращают на себя внимание следующие. В исследовании профессора права Н.А. Гредескула анализируется революционный террор в стране с момента зарождения до 10-х гг. XX в. в диалектической связи эволюции его и политической полиции. Оно содержит ряд выводов, не утративших значение до настоящего времени¹. Работа жандарма А.И. Спиридовича посвящена истории партии социалистов-революционеров. На широком фактическом материале автор показывает направления противодействия политической полиции эсеровскому террору и уже в 1905 г. был сделан вывод об эффективности предпринятых мер. В другом исследовании он обращает внимание на ряд аспектов боевой работы РСДРП и процесс противодействия ей государственных органов². Основная масса работ данного периода базировалась на узкой источниковой базе и была посвящена анализу ограниченного круга вопросов, в ходе которого просматриваются политические пристрастия авторов.

Качественно новый период в изучении проблемы начался с февраля 1917 г. и завершился в 1919 г. В это время появляется ряд работ, имеющих большое значение для анализа предмета исследования. В исследовании В.К. Агафонова, созданном на широком круге архивных документов, основное внимание обращается на политический розыск. Автором изучается нормативная база методов внутреннего и наружного наблюдения и практика розыска в отношении террористов³.

С начала 20-х гг. начался очередной период в изучении проблемы, продолжавшийся до середины 30-х гг. XX в. Среди исследований этого времени⁴ особое место занимает работа Ж. Лонге и Г. Зильбера. В ней анализируются история террора, условия его зарождения и развития, конкретные эпизоды процесса противостояния ему политической полиции и эффективность данного процесса⁵.

С середины 30-х гг. до конца 50-х гг. XX в. анализ деятельности политической полиции и террора фактически прекратился⁶. После публикации «Краткого

¹ Гредескул Н.А. Террор и охрана /Н.А. Гредескул. - СПб., 1912.

² Спиридович А.И. Революционное движение в России. РСДРП /А.И. Спиридович. - Пг., 1914; Он же. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники (1896-1918 гг.) Пг., 1918.

³ Агафонов В.К. Заграничная охранка (Составлено по секретным документам Заграничной Агентуры и Департамента полиции. С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников заграничной агентуры) /В.К. Агафонов. - Пг., 1918.

⁴ Николаевский Б.И. Конец Азефа /Б.И. Николаевский. - Л., 1926; Щеголев П. Охранники и авантюристы /П. Щеголев. - М., 1930; Лифшиц С.И. Московская охранка в борьбе с революционным движением /С.И. Лифшиц // Борьба классов. - М., 1934. - №7/8. - С.148-154.

⁵ Лонге Ж. Террористы и охранка /Ж. Лонге, Г. Зильбер. - М., 1924.

⁶ Игнатьев В.И. Борьба против зубатовщины в Москве /В.И. Игнатьев. - М., 1939 и др.

курса ВКП(б)», содержащего крайне негативные оценки деятельности органов политической полиции Российской империи и эсеров, открыто признававших террор⁷, исследования в данной плоскости стали бесперспективными и опасными для ученых.

Принципиально новый период в исследовании проблемы наступил в начале 60-х гг., как следствие изменения политического режима, и завершился в конце 80-х гг. прошлого века.

Существенный вклад в изучение проблемы внесли ученые, занимающиеся анализом деятельности политической полиции и смежными проблемами в рамках истории СССР. Возрождение процесса изучения противодействия политической полиции террору связано с исследованиями П.А. Зайончковского⁸. Среди работ, выделяются труды Н.Н. Анисимова и Ю.Ф. Овченко, объектом исследования которых выступает функционирование местных подразделений исследуемого института⁹. Появляются работы, посвященные истории непролетарских революционных партий, в первую очередь эсеров, в которых анализируются их решения по данному вопросу и практика террора¹⁰.

Отдельные аспекты антитеррористической деятельности политической полиции, как смежной с другими, освещались в работах историков государства и права Р.С. Мулукаева, Д.И. Шинджикашвили¹¹.

Перемены в СССР, а впоследствии в Российской Федерации в начале 90-х гг. XX в., создавшие новые условия для изучения проблемы, ознаменовали начало

⁷ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1945. – С.3, 12, 13, 29, 30, 55, 75, 77, 86-88.

⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов /П.А. Зайончковский. - М., 1965.

⁹ Анисимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903-1917 гг.) /Н.Н. Анисимов. - Свердловск, 1989; Он же. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX века // Советское государство и право. – 1991. - №5. - С.119-125; Овченко Ю.Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880-1904 гг. /Ю.Ф. Овченко. - М., 1989; Он же. Московская «охранка» на рубеже веков // Отечественная история. – 1993. - №3. - С.193-201.

¹⁰ Гусев К.В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма до контрреволюции /К.В. Гусев. - М., 1975. Позднее им опубликовано исследование, посвященное эсеровскому террору (Рыцари террора. - М.: Луч, 1992); Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой русской революции /Д.Б. Павлов. - М., 1979; Он же. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии в России в трех революциях: Сб. статей /АН СССР. - М.: Наука, 1989. – С.144-151.

¹¹ Мулукаев Р.С. Полиция и дореволюционные учреждения дореволюционной России /Р.С. Мулукаев. - М., 1964. Впоследствии им была написана работа «Полиция в России (IX в. - начало XX в.)» (Н. Новгород, 1993); Шинджикашвили Д.И. О структуре и основных направлениях деятельности Министерства Внутренних Дел царской России в период империализма /Д.И. Шинджикашвили // Вопросы теории и философии. - Омск, 1970. - С.175-188; Он же. Сыскная полиция царской России в период империализма. - Омск, 1973.

очередного этапа в ее исследовании. С этого момента по настоящее время опубликован ряд работ, посвященных политической полиции, в которых затрагивается и проблема противостояния ее революционному террору¹².

Особое место в этом ряду занимает фундаментальное исследование одного из ведущих ученых по проблемам политической полиции З.И. Перегудовой, в котором на впервые введенном в научный оборот богатом архивном материале подробно раскрывается ряд аспектов политического розыска и публикуются в полном объеме некоторые основополагающие ведомственные нормативные акты, регламентирующие данную деятельность¹³. В 2000 г. появляется одна из первых работ, объектом исследования которой выступает антитеррористическая деятельность российского государства конца 70-х гг. XIX в. – начала XX в.¹⁴ Противодействие полиции террору анализируется, среди других проблем, в монографии Ю.А. Реента, констатирующего широкое использование террора большевистским течением российских социал-демократов¹⁵.

В данный период увидела свет серия работ, посвященных истории политических партий, в которых авторы обращают внимание на отдельные аспекты анализируемой проблемы. Среди них выделяются следующие труды.

Фундаментальное исследование М.И. Леонова, посвященное партии социалистов-революционеров в период Первой российской революции, содержит параграф, в котором анализируется террор. Значение работы для нас состоит в том, что в ней представлен значительный фактографический материал и ряд региональных выводов¹⁶.

Выходит в свет работа, посвященная изучению Боевой организации ПСР, в которой анализируется противодействие ей со стороны политической полиции¹⁷.

Происходит дальнейшее изучение отдельных аспектов антитеррористической деятельности политической полиции в работах историков государства и права России. В частности, исследуется нормативная база функционирования анали-

¹² Рууд Ч. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях /Ч. Рууд, С. Степанов. - М.: Мысль, 1993; Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. 1649-1917 /Ф.М. Лурье. - СПб.: ИнКА, 1992.

¹³ Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880-1917 гг.) /З.И. Перегудова. - М.: РОССПЭН, 2000.

¹⁴ Суворов А.И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России /А.И. Суворов // Социологические исследования. – 2000. - №12. - С.100-108.

¹⁵ Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.) / Ю.А. Реент. - Рязань: Узорочье, 2001. - С.257-258.

¹⁶ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. /М.И. Леонов. - М.: РОССПЭН, 1997.

¹⁷ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. /Р.А. Городницкий. - М.: РОССПЭН, 1998.

зируемого института и ее реализация в данной сфере, обращается внимание на противодействие других структурных элементов государства террору¹⁸.

В исследовании И.В. Сирицы впервые достаточно подробно анализируются организационно-правовые основы противостояния подразделений института данному методу деятельности революционных партий на Кубани¹⁹.

Противодействие политической полиции революционному террору не являлось предметом специального анализа иностранных исследователей, но изучалось в контексте других проблем²⁰. Некоторые подходы и выводы ряда авторов, реализованные на базе широкого круга источников, заслуживают серьезного внимания.²¹

Исследования, посвященные изучению революционного движения Поволжья в 1905-1907 гг., содержат в себе единичные факты и оценки, связанные с противодействием террору политической полиции. В работах 20-х – 80-х гг. оно почти не освещалось²².

В начале 90-х гг. XX в. - начале XXI в. появляются труды, посвященные истории местных организаций непролетарских революционных партий. В них содержатся эпизоды, относящиеся к характеристике самого террора, фрагменты противостояния ему подразделений политической полиции²³. Предпринята попытка анализа социально-демографических характеристик террористов на примере казанской организации эсеров²⁴.

¹⁸ Жаров С.Н. Нормативное регулирование деятельности политической полиции в Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /С.Н. Жаров. - Екатеринбург, 2000.

¹⁹ Сирица И.В. Становление и развитие политической полиции на Кубани. 1880-1917 гг. (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук /И.В. Сирица. - Краснодар, 2003. Ранее анализ отдельных ее аспектов был предпринят на страницах работы: Ярмыш А.Н. Реакционная роль политической полиции на Дону в конце XIX – начале XX века /А.Н. Ярмыш // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. - Ростов н/Д, 1983. - №32. - С.62-67.

²⁰ Schleifmann N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902-1914. - Oxford, 1988; Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917 /А. Гейфман. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

²¹ Daly Jonathan W. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905 / Northern Illinois University Press, 1998.

²² Илларионов В.Т. Вступительная статья /В.Т. Илларионов // Материалы по истории революционного движения. - Н. Новгород, 1920. - С.1-30; Саар Г. Охранное отделение о деятельности Саратовской организации РСДРП /Г. Саар // Коммунистический путь. - Саратов, 1923. - №9. - С.199-214.

²³ Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. /М.И. Леонов. - Самара, 1992; Панова В.И. Жандармские документы о симбирских социалистах революционерах /В.И. Панова, Ф.Ш. Толочко // Симбирский вестник. - Ульяновск: Симбирская книга, 1996.- Вып.3.- С.113-125; Кузнецов В.Н. Политические партии в начале XX века /В.Н. Кузнецов // Ульяновская-Симбирская энциклопедия: В 2 т.- Ульяновск: Симбирская книга, 2004. - Т.2. - С.137-138; и др.

²⁴ Хабибрахманова А.В. Социальный состав казанской группы эсеров в 1904-1907 гг. /А.В. Хабибрахманова // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века: сборник научных статей и сообщений. - Казань: Татарское республиканское изд-во «Хэтер», 2004. - С.44-51.

Таким образом, к настоящему времени имеются работы, исследующие функционирование политической полиции и революционный террор, содержащие анализ отдельных аспектов антитеррористической деятельности центральных и столичных подразделений. Одновременно, механизм противостояния террору местных подразделений в целом продолжает оставаться вне поля зрения исследователей.

Цель работы вытекает из сформулированной нами научной проблемы: исследовать закономерности процесса противодействия местных подразделений политической полиции революционному террору в условиях политического кризиса 1905-1907 гг.

Для ее реализации необходимо решить следующие **задачи**:

- исследовать понятие «террор» и нормативно-правовую базу противодействия ему политической полиции Российской империи;
- проанализировать отношение к террору ведущих радикальных российских политических партий;
- изучить практику террора и кадровую базу террористов;
- проанализировать влияние террора на государственных служащих, в частности чинов политической полиции;
- исследовать основные направления, формы, методы антитеррористической деятельности местных подразделений изучаемого института;
- проанализировать процесс функционирования подразделений политической полиции в регионе в сфере противостояния революционному террору.

Территориальные рамки. В работе анализируется деятельность подразделений политической полиции, дислоцированных в семи поволжских губерниях (Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Пензенской), имеющих ярко выраженную общность и связи, которые позволяют выделить местные подразделения, находящиеся на их территории в качестве самостоятельного объекта исследования.

Хронологические рамки. Работа охватывает период с начала 1905 г. до середины 1907 г., который характеризуется максимально активным противодействием политической полиции революционному террору. С началом революции характер, масштабы, социальная направленность, география террора резко изменились, и борьба с ним выдвигается на одно из первых мест среди направлений деятельности местных подразделений исследуемого института. С середины 1907 г. интенсивность террора снижается, и противодействие ему постепенно отходит на второй план.

Методология исследования. Теоретико-методологическая основа работы базируется на общефилософском подходе к познанию объективной реальности и на основе совокупности идей, относящихся к диалектическому пониманию истории.

В ходе исследования нами использовались общенаучные методы (исторического и логического, конкретного и абстрактного, системного подхода и системного анализа и др.), которые получили свою конкретизацию в использовании основных методов исторической науки: историко-сравнительного, историко-типологического, историко-системного.

Данные методы получили развитие в применении ряда методик, использованных в ходе работы с источниками.

Задачи, поставленные в работе, потребовали применения ряда методов других наук, в частности, сравнительно-правового.

Источниковедческая база. Выбор целей и задач, поставленных нами, с учетом ряда источниковедческих выводов, а также сохранность документов определили источниковедческую базу исследования.

В диссертации использованы сведения, заключенные в следующих группах источников: нормативные акты, делопроизводственная переписка, оперативно-розыскные и следственно-судебные материалы, периодическая печать, дневники, мемуары, частная переписка.

Основу диссертации составила информация, содержащаяся в комплексе документов 20 фондов государственных архивов²⁵.

Основные виды документов, вышедших из недр политической полиции - ведомственные нормативные акты (приказы, положения, инструкции, циркуляры; текущая переписка: рапорта, отношения, докладные записки; оперативно-розыскные материалы: дневники наружного и внутреннего наблюдения и выписки перлюстрации) - относятся к большой группе материалов официального характера, по своему происхождению связанных с деятельностью государства (гласной и негласной), и образуют внутри нее группу документов административных органов. Особое место в этой группе занимают материалы формальных дознаний и расследований, осуществляемых в административном порядке (так называемых «переписок»). В основном они содержат разноплановую информацию различной степени достоверности.

Кроме фондов политической полиции нами для анализа проблемы широко использовались документы других государственных органов, в первую очередь министерства юстиции (суда, прокуратуры, судебных следователей), и министерства внутренних дел (общей полиции, канцелярии губернатора).

---

²⁵ В ходе создания работы были использованы документы, находящиеся в Государственном Архиве Российской Федерации, Национальном Архиве Республики Татарстан, Государственном Архиве Пензенской Области, Государственном Архиве Самарской Области, Государственном Архиве Ульяновской Области, Центре документации Новейшей Истории Ульяновской Области.

Степень достоверности информации, содержащейся в архивных документах, различна, что зависит в первую очередь от их типа и вида, которые непосредственно связаны с целью создания источника.

Вторую часть источниковой базы работы составляют опубликованные нормативные акты, делопроизводственные документы (в том числе переписка), протоколы форумов политических партий, периодическая пресса, а также документы личного происхождения (дневники, мемуары, частная переписка).

Большое значение для исследования проблемы имеют различные по юридической силе нормативные акты: указы, уложения, уставы, положения, опубликованные в основном во II и в III изданиях Полного собрания законов, а также в Своде Законов Российской империи, и в Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительствующем Сенате.

Среди источников, содержащих сведения по данной проблеме, определенное место принадлежит официальным актам политических партий и материалам, связанным с их разработкой и обсуждением²⁶.

Существенное место в комплексе источников занимают материалы периодической печати. Анализ официальной и партийной (черносотенной, кадетской, социал-демократической, эсеровской) прессы показывает, что сведения, содержащиеся на ее страницах, носят отрывочный, информационно ограниченный характер. Степень тенденциозности материалов по проблеме и частота обращения к ней зависела от стратегических целей и тактических задач изданий.

Особым вниманием пользовалась политическая полиция в черносотенных изданиях и органах печати конституционных демократов.

В отличие от партийных, официальные региональные периодические издания (губернские ведомости) крайне редко публиковали материалы по теме, но степень достоверности их, за редким исключением, значительно выше.

Уникальные материалы включает в себя группа источников личного происхождения - дневники. Дневник А.В. Богданович зафиксировал общественное мнение и циркулирующую в обществе информацию о терроре и противостоянии ему правительства в 1905-1907 гг., в основном касающуюся разработки и реализации мероприятий в общегосударственном масштабе, в столичных губерниях, а также Поволжском регионе.

---

²⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1970). – Изд. 8-е. – М.: Политиздат, 1970. – Т.1 (1898-1917); Полный сборник платформ всех русских политических партий. – М.: ИКФ, 2002; Правые партии и организации в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство (1905-1917) /Сост., предисл. и коммент. Е.М. Михайлова. – М.: МИРОС, 2002; Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. – СПб.: ЦК ПСР, 1906.

Среди источников личного происхождения особое место принадлежит мемуарам. Это информативно емкий, часто содержащий уникальные сведения и одновременно тенденциозный источник. Авторами их являются, во-первых, бывшие государственные служащие, в частности политической полиции, во-вторых, представители различных политических сил, в-третьих, рядовые подданные империи.

Мемуары самарского вице-губернатора, а позднее пензенского губернатора И.Ф. Кошко содержат уникальный материал, посвященный руководящему составу ГЖУ, основным направлениям деятельности местных подразделений в противодействии террору, в первую очередь политическому розыску²⁷.

В работе широко использованы мемуары руководителей политической полиции (П.П. Заварзина, П.Г. Курлова, А.И. Спиридовича)²⁸. Они существенно различаются между собой как по уровню аналитичности (лавры первенства здесь принадлежат П.П. Заварзину), так и по степени тенденциозности (на вершине которой находится труд П.Г. Курлова). Не менее ценной является информация, заключенная в воспоминаниях участников революционно-оппозиционного движения (В.В. Рябикова, Б.В. Савинкова и др.)²⁹, которые нередко являются единственным источником, вышедшим из антиправительственного лагеря, содержащим сведения по данной проблеме. Спецификой данной группы мемуаров является массовое наличие фактических неточностей в сведениях, излагаемых авторами, вследствие объективных и субъективных причин.

Таким образом, значительное количество источников и их разнообразие позволяют провести комплексный анализ процесса противодействия революционному террору местных подразделений политической полиции.

Научная новизна диссертации вытекает из предмета анализа. Она является первым комплексным исследованием процесса противостояния местных подразделений политической полиции в Поволжье революционному террору в период Первой российской революции. Ряд выводов имеет общероссийский характер, так как правовое регулирование организации и деятельности местных подразделений института осуществлялось едиными нормативными актами.

²⁷ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1916 гг.). Новгород, Самара, Пенза /И.Ф. Кошко. – Пг., 1916.

²⁸ Герасимов А.В. На лезвии с террористами: воспоминания /А.В. Герасимов. – М.: Товарищество русских художников, 1991; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания /П.П. Заварзин. – Париж, 1930; Он же. Работа тайной полиции. – Париж, 1924; Курлов П.Г. Гибель императорской России /П.Г. Курлов. – М.: Современник, 1992; Спиридович А.И. Записки жандарма /А.И. Спиридович. – М., 1991.

²⁹ Савинков Б.В. Избранное /Б.В. Савинков. – Л., 1990; Рябиков В.В. Симбирские большевики 1903-1906 гг. /В.В. Рябиков //1905 г. в Симбирской губернии. Сборник по истории революционного движения в губернии в 1905-1906 гг. – Ульяновск, 1925. – С.3-55.

На защиту выносятся следующие основные положения, в которых нашла отражение научная новизна диссертационного исследования:

- термином «террор» представители различных групп государственных служащих Российской империи (в частности, политической полиции), отраслей современной науки обозначали и обозначают различные по содержанию и объему понятия;
- отношение к террору в программных документах основных радикальных политических партий существенно различалось: от открытого признания до отрицания, однако тактические решения в отношении его изменялись во времени и в ряде случаев противоречили положениям программы;
- терроризм в России к началу XX в. имел уже определенные исторические традиции, но в 1905-1907 гг. он приобрел качественно новые характеристики: масштабы, социальную направленность (одним из основных объектов выступают служащие общей и политической полиции), способы реализации, степень воздействия на общество;
- террористические акты совершали члены специализированных или военизированных формирований всех революционных партий, беспартийные лица по собственной инициативе; все они в основном характеризуются молодым возрастом, специфическим мировоззрением, особым морально-психологическим статусом;
- российское уголовное право предпринимает попытку квалификации отдельных преступлений, относящихся к данной группе, в 30-е гг. XIX в., и к началу революции уже существовала совокупность норм уголовного права, продолжавшая развиваться в 1905-1907 гг. и являющаяся законодательной базой антитеррористической деятельности политической полиции, однако, по мере нарастания кризиса, в ее функционировании (как и всей правоохранительной системы) самодержавие восстанавливает практику использования военно-уголовных законов, которая гарантировала ужесточение наказания лиц, причастных к террору;
- досудебное расследование по фактам подготовки и начала реализации актов террора протекало в двух формах: формального дознания, что было регламентировано Уставом уголовного судопроизводства и административного расследования («переписки») на основании Положения 14 августа 1881 г., осуществляемого без участия прокурорского надзора и завершаемого во внесудебном порядке. Однако в ходе революции самодержавие снова возвратилось к применению военно-процессуального права, что резко сокращало объемы деятельности местных подразделений политической полиции;
- местные подразделения политической полиции осуществляли борьбу с данным явлением в устоявшихся организационно-правовых формах (профилактика, розыск, предварительное следствие);

- направления функционирования местных подразделений в рамках указанных форм были достаточно многочисленны; они изменялись по составу, значению и в количественном отношении по мере эволюции террора;
- существенное развитие для подавляющей части подразделений региона (ГЖУ и ЖПУ ж.д.) претерпевают методы осуществления оперативно-розыскных мероприятий, которые дополняются новыми по аналогии с охранными отделениями.

Практическая значимость исследования определяется объектом исследования – антитеррористической деятельностью подразделений политической полиции в Поволжье, новизной конкретно-исторического материала, выводов.

Материалы диссертация могут быть использованы и используются:

- для дальнейшего исследования деятельности полицейских органов, а также внутренней политики российского самодержавия в 1905-1907 гг.;
- в процессе преподавания дисциплин исторического цикла;
- для научной обработки архивных фондов подразделений политической полиции и при составлении научно-справочного аппарата к ним.

Апробация основных положений диссертации осуществлена в опубликованных исследованиях, в выступлении на Всероссийской научной конференции «Открытые культуры» (Ульяновск, 2002 г.), в опубликованных рецензиях на ряд работ автора³⁰.

Структура работы. Диссертация объемом 300 страниц состоит из введения, 3-х глав (7 параграфов), заключения, списка источников и литературы, 5 приложений, включающих документы делопроизводственной переписки.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяется объект и предмет, анализируется степень ее изученности, формулируются цель и задачи, устанавливаются территориальные и хронологические рамки, характеризуется источниковая база, определяется научная новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава посвящена исследованию понятия «террор», изучению уголовно-правовой квалификаций составляющих его деяний, анализу отношения к террору основных радикальных партий.

---

³⁰ Шевырин В.М. Страницы истории политической полиции Российской империи (Сводный реферат) / В.М. Шевырин // Соц. и гум. науки. Отеч. и зарубеж. лит-ра. - Сер.5. История: реферативный журнал / РАН ИНИОН, Центр соц. науч.-информ. исслед., Отд. отеч. и зарубеж. истории. - М., 2003. - №3. - С.53-64; Исаев И.А. Из жизни политической полиции / И.А. Исаев // Московский писатель. - М., 2002. - №1(6). - С.173.

До настоящего времени среди ученых нет единого подхода в терминологическом обозначении данного феномена (террор, терроризм, террористический акт), а тем более в понимании сущности, в силу его сложности и длительного влияния на исследователей идеологических штампов.

Можно выделить два основных подхода в трактовке анализируемого понятия. Для первого, с философской точки зрения, характерны такие сущностные, но недостаточные характеристики, как насилие и устрашение. В частности, В.И. Замковой и М.З. Ильчиков, отличая от террора терроризм, констатируют: «...понятие «террор» относится к политическим силам, находящимся во власти, опирающимся на властные структуры и репрессивный аппарат подавления...», а «...терроризм относится к оппозиционным силам, выступающим против «истеблишмента»...» и «...реализуется, как правило, конспиративно и нелегально»³¹.

Второй подход состоит в рассмотрении сущности террора с политико-правовой точки зрения. В первой сфере он порожден и функционирует. Вторая сфера дает четкие основания для выделения деяний, составляющих его, из схожих по объективной стороне, а также определения степени их социальной опасности. Особое значение для нас он приобретает в силу предмета исследования – функционирования государственного института - политической полиции.

Исследователь В.П. Емельянов определяет терроризм как «...публично совершаемые общепасные деяния или угрозы таковыми, направленные на устрашение населения или какой-то его части, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие ими решения или отказ от него в интересах террористов» и террористический акт, для которого «...обязательными являются все признаки терроризма, за исключением первого – создание общей опасности, хотя и его присутствие не исключается». В особую группу им выделяются преступления, содержащие признаки терроризирования³².

В силу устоявшейся в исторической науке терминологии³³, целесообразно продолжить использовать термин «террор» для обозначения группы методов деятельности радикальных партий непосредственно террористического характера и с признаками терроризирования, а при необходимости вносить уточнения путем уголовно-правовой квалификации конкретных деяний, посредством которых он реализовывался. С этой точки зрения термином «террор» мы обозначаем преступ-

³¹ Замковой В.И. Терроризм – глобальная проблема современности / В.И. Замковой, М.З. Ильчиков. – М.: Ин-т международного права и экономики, 1996. – С. 80

³² Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования / В.П. Емельянов. - СПб., 2002. - С.38-39.

³³ Гусев К.В. Рыцари террора / К.В. Гусев. - М.: Луч, 1992; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. / М.И. Леонов. - М.: РОССПЭН, 1997.

ления террористического характера (терроризм, террористический акт), а также с признаками терроризирования.

Широко используемый в исторической и политической науках термин «индивидуальный политический террор», с уголовно-правовой точки зрения, является в основном «террористическим актом», некоторые из которых при совершении особо опасными методами (в частности, с использованием взрывных устройств) приобретали черты «акта террора»³⁴.

Значение правовой оценки указанных методов деятельности политических партий состоит в том, что служащие правоохранительных органов Российской империи (в частности, политической полиции) основывали свою деятельность на нормах уголовных законов, позволяющих квалифицировать данные деяния как преступные и привлекать к ответственности лиц, причастных к ним.

Процесс формирования нормативной базы противодействия революционному террору в России носил длительный характер. Далее анализируется процесс зарождения и развития преступлений террористического характера и с признаками терроризирования в российском уголовном праве с 1832 по 1903 гг.

В начале революции нормы уголовного права, направленные на противодействие террору, содержались в двух основных источниках: Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции 1885 г.) и были продублированы и получили развитие в Уголовном Уложении 1903 года, а к моменту окончания революции дополнились еще рядом специальных законов.

Например, в Уголовном Уложении 1903 года изменился по сравнению с Уложением 1845 г. состав статьи 99, направленной на охрану уголовно-правовыми методами жизни и здоровья монарха, императрицы и наследника, так как само намерение на покушение перестало быть наказуемым.

Состав преступления пункта 3 статьи 455 содержит ряд признаков террористического акта: убийство должностного лица при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей. С одной стороны, он использовался для квалификации деяний террористов, совершаемых против должностных лиц с помощью огнестрельного оружия в условиях, когда эти деяния не представляли опасности для других лиц. С другой стороны, в пункте 8 этой же статьи содержались признаки террористического акта: убийство, совершенное способом, особо опасным для жизни многих лиц³⁵.

---

³⁴См.: Емельянов В.П. Указ. соч. - С.39-41.

³⁵ Уголовное Уложение. Издание 1903 года (исправленное по последующим узаконениям) // Свод Законов Российской империи: В 16 т. - Кн.4. - Дополнительный том. - СПб.: Т-во А.А.Левинсон, 1910. - С.19,74

Норма статьи 1453 квалифицировала деяния террористов, совершаемые особо опасным способом, против должностных лиц, не при исполнении ими служебных обязанностей. Состав содержал следующие признаки: «...виновные в убийстве с обдуманном заранее намерением или умыслом: 1) когда сие убийство учинено... или... (произошло – *Г.Р.*) разрушение строения,.. или через порчу мостов, железных дорог, или через выстрелы в толпу людей, хотя и для лишения жизни одного только человека, и вообще через такие действия, от коих подвергались опасности несколько лиц...», приговариваются к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу от 15 до 25 лет или бессрочно³⁶.

Интересно отметить, что норма статьи 1459 была направлена на уголовно-правовую охрану жизни государственных служащих, в первую очередь низших рангов (т.н. городских, жандармских пунктовых унтер-офицеров и т.п.), а также исполнения ими своих служебных обязанностей. В ней констатируется, что при совершении преступления против порядка управления, сопряженного с умышленным убийством для достижения преступной цели или избежания поимки, виновный наказывается лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы от 15 до 25 лет³⁷.

Часть жертв террора получала только телесные повреждения. Поэтому пункт 3 статьи 471 содержал состав - причинение телесного повреждения (покушение) должностному лицу при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей. Наказание зависело от степени тяжести причиненных повреждений – от каторги на срок до 10 лет до заключения в исправительном доме³⁸.

Перечисленные и ряд иных составов преступлений представляли собой нормативную базу, позволяющую политической полиции достаточно эффективно противодействовать актам терроризма, террористическим актам, и, в определенной степени, деяниям с признаками терроризирования на любой стадии.

Радикальные политические партии в программных и тактических документах, выступлениях лидеров на различных этапах своего существования по-разному относились к террору.

Партия социалистов-революционеров с момента своего зарождения теоретически признавала террор как допустимый метод борьбы, но считала, что для его применения в России отсутствуют необходимые условия. Однако его многочисленные сторонники в рядах руководства формирующейся партии резко оживились

³⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод Законов Российской империи: В 16 т. - Кн.4. – Т.15. - СПб.: Т-во А.А.Левинсон, 1910. - С.194.

³⁷ Там же. - С.194-195.

³⁸ Уголовное Уложение. Издание 1903 года (исправленное по последующим узаконениям) // Свод Законов Российской империи. - Кн.4. - Дополнительный том. - СПб.: Т-во А.А.Левинсон, 1910. - С.75.

после убийства В.П. Карповичем в 1901 г. министра просвещения Н.П. Боголепова. В партийных изданиях объяснялась сущность террора как одного из многочисленных методов (средств) деятельности партии, формулировались три его цели, декларировалась тесная связь с массовым движением. В период революции изменился акцент в целях террора, главной стала агитация, а не как ранее - возмездие носителям власти, при сохранении в качестве не основной борьбы с секретными агентами в рядах партии.

В 1905-1907 гг. в силу тактических соображений партия дважды приостанавливала террор (после Манифеста 17 октября 1905 г. и в связи с созывом I Государственной Думы) и один раз ограничила его применение на период деятельности II Государственной Думы. Данные решения нередко становились известны местным партийным структурам в Поволжье уже после окончания срока их действия, и реального воздействия на применение его они не оказывали.

В ходе революции партия окончательно перестала быть единой по вопросам форм и сфер использования террора. Длительное время «индивидуальный политический террор» рассматривался как единственный метод. По мере разочарования в его результатах, часть членов партии вернулась к идеям, зародившимся накануне 1905 г. и стала предлагать дополнить его массовым террором (уничтожением всех служащих конкретного подразделения государственного органа), а также расширить сферу применения, дополнительно перенести его на экономическую почву (фабричный и заводской террор). Однако большинство не поддерживало данные идеи, что привело к появлению в составе партии радикального крыла – максималистов, предпринявших попытку организационного оформления.

РСДРП занимала по отношению к террору неоднозначную позицию. До начала революции метод, хотя и признавался теоретически допустимым для использования революционерами, но только не российскими социал-демократами в ближайшей перспективе. Ситуация резко изменилась в начале 1905 г., когда меньшевики остались на данной точке зрения, а лидеры большевистского крыла, в силу его массовости, стали рассматривать террор как одну из форм массовой борьбы, содействующей подготовке населения к вооруженному восстанию³⁹.

Решения III и IV съездов партии хорошо отразили такую двойственную позицию, когда использование террора замалчивалось, а для его обозначения применялась другая терминология. Все это нашло отражение в резолюциях V съезда партии, в которых было прямо указано - партизанская война боевых дружин вырождалась в террор, что требовало прекращения их деятельности. Это решение достаточно жестко критиковалось большевиками, так как не позволяло более, не нарушая партийную дисциплину, оставаться на своей точке зрения.

³⁹ Гейфман А. Указ. соч. - С.130-132.

Позиция черносотенных партий, находящихся на другом полюсе политической шкалы в вопросе применения террора, была крайне завуалированной. В программных документах некоторых из них террор рассматривался как самооборона, ответная мера на злоупотребления революционеров правами, дарованными Манифестом 17 октября 1905 г. По их мнению, террором руководили кадеты, а непосредственными исполнителями выступали эсеры и другие левые партии. Роль связующего звена в этом механизме выполняла вся оппозиционная пресса, которая указывала потенциальные жертвы террора. С момента, когда правительство приступило к активной борьбе с террором как левых, так и правых партий, черносотенцы начали огульную критику правительства за неспособность в рамках закона навести порядок. Они объясняли отсутствие моментальных, положительных результатов в противодействии правительству террору возможным тайным сговором П.А. Столыпина с партией конституционных демократов.

Черносотенцы уделяли полиции большое внимание, категорически выступая против предложений революционных партий о ее муниципализации, одновременно акцентируясь на ее героической борьбе с террором и жертвах с ее стороны.

Таким образом, основные радикальные партии совершенно по-разному выражали свою точку зрения по вопросу сущности и возможности использования террора в своей деятельности.

Во второй главе анализируется практика революционного террора и исследуются характеристики кадрового корпуса террористов.

Революционный террор в 1905-1907 гг. перестал представлять монолитное явление, поэтому его акты можно классифицировать не только по правовым, но и по другим основаниям (объект, место реализации, тип оружия). В зависимости от характеристик акта, в ряде случаев политическая полиция могла сразу предположить партийную принадлежность террориста.

В качестве объектов первого типа актов выступали конкретные физические лица – государственные служащие и видные общественные деятели. Критерием выделения данного типа является основание для совершения акта - решение партии или самого террориста. Объектами второго типа актов выступали любые служащие определенного государственного органа, учреждения. Критерием выделения является место совершения: открытое пространство или помещение. В качестве объектов третьего типа актов выступали случайные физические лица. Критерии аналогичны предшествующему типу. Объектами четвертого типа актов выступали сооружения, коммуникации, храмы, памятники, имевшие большое экономическое, политическое, социально-культурное значение.

Политический террор в России в период первой российской революции приобрел качественно новые характеристики и самые большие масштабы не только за

всю историю России, но и мировой цивилизации второй половины XIX - начала XX вв.

Данные о количестве актов и жертв террора, приводимые в различных источниках, существенно различаются. Можно утверждать, что все официальные статистические данные являются относительно точными и величины их меньше реальных.

Количество лиц, пострадавших от актов террора и террористических актов, за два с половиной года несопоставимо возросло по сравнению с предшествующим периодом. В частности, по официальным данным, сообщенным в июне-июле 1907 г. министром иностранных дел С.Д. Сазоновым послу в Великобритании А.К. Бенкендорфу, за период революции от рук террористов погибло 2223 и ранено 2490 человек. Нами разделяется оценка известного исследователя М.И. Леонова, что данные явно занижены.

Все ведущие революционные партии в той или иной мере причастны к реализации террора. Бесспорно, что среди партийного террора являлся доминирующим эсеровский, представители других партий прибегали к нему в основном эпизодически. По различным данным, за период революции эсерами было совершено от 170 до 203 актов, что также не отражает реальную картину в полном объеме. По нашим данным, только на территории Симбирской губернии в 1905 - первой половине 1907 гг. было совершено не менее 15 актов, подавляющую часть которых осуществили представители эсеров.

Как вытекает из сравнения статистики, большое количество актов было совершено лицами, не состоящими в рядах партии эсеров. В настоящее время выдвинута гипотеза, что большинство этих актов относятся к безмотивному террору и совершены анархистами.

Активность террористов в 1905-1907 гг. была волнообразной, что объясняется соотношением трех факторов: общеполитической ситуации, тактики революционных партий, деятельности подразделений политической полиции.

Пик террора в Поволжском регионе, как и по всей стране, падает на 1906 г. Далее автором анализируются причины резкого возрастания активности террористов в указанный период.

По своей социальной направленности практика реализации террора периода революции являлась полной противоположностью его «идеалу», декларируемому революционными партиями, в первую очередь эсерами. Вместо представителей верхних эшелонов государственных служащих основным объектом стали лица, находящиеся в основании чиновничьей лестницы, в первую очередь, служащие общей и политической полиции. Заметим, что часть жертв террора занимала госу-

дарственные должности, не имевшие никакого отношения к противостоянию революционному движению.

Техническая оснащенность террористов была на достаточно высоком уровне. В основном акты совершались с помощью нарезного короткоствольного оружия – револьверов. Широкое распространение получило применение самодельных взрывных устройств, поражающая сила которых была во много раз сильнее огнестрельного оружия и оставляла жертве мало шансов на спасение. В единичных случаях использовалось холодное оружие.

Далее автор, в соответствии с выделенными периодами, анализирует механизм и результаты применения террора против представителей политической полиции. Со второй половины 70-х гг. XIX в. до 1905 г. выделяются два периода террора, разделительной чертой между которыми стал рубеж веков. Третий период связан с Первой российской революцией и имеет ярко выраженную специфику. Объектом посягательства стали выступать служащие местных подразделений политической полиции, как в Поволжье, так и в других регионах. Масштабы террористических актов против них достигли невиданных ранее размеров и были значительными, с учетом относительно небольших размеров штатов ГЖУ, ЖПУ ж.д., охранных отделений.

Несмотря на распространенное противоположное мнение, спектр последствий воздействия революционного террора на государственных служащих (например, представителей политической полиции) был широк. Примером может служить его негативное воздействие на эффективность деятельности некоторой части чиновников. Степень последствий воздействия, в первую очередь морально-психологического, была существенной. Однако она не достигла той качественной меры, которая позволила бы террористам осуществить свои цели в полном объеме.

Анализ практики революционного террора позволяет констатировать, что в данный период он качественно изменился и, как следствие, претерпевают эволюцию задачи местных подразделений политической полиции в противостоянии ему.

Революционный террор осуществлялся главным образом членами специализированных партийных формирований и членами боевых дружин. Поэтому в диссертации был воссоздан процесс их образования: Боевой организации, региональных партии эсеров, а также боевых дружин ее местных организаций и социал-демократов в Поволжье. Подавляющая их часть в регионе сформировалась в 1905 г. - первой половине 1906 г. Перечисленные структуры в основном ликвидировались политической полицией, но по мере спада революции и разочарования в терроре части участников боевых формирований наблюдается их самоликвидация.

Далее нами анализируется кадровый состав террористов. Выделяется ряд типов террористов, среди которых в регионе появляются маргинальные личности,

что убедительно доказывает эволюцию кадрового корпуса террористов даже по сравнению с началом XX в. Наиболее активная и социально опасная часть террористов входила в состав перечисленных специализированных партийных формирований. Однако не все террористы принадлежали к специализированным формированиям и боевым дружинам революционных партий, что сильно затрудняло антитеррористическую деятельность политической полиции. По своим характеристикам личности террористов имели некоторые общие особенности: молодой возраст, различный образовательный уровень, своеобразие психики (у части из них) и самое главное - приверженность определенной революционной идее и высокий уровень мотивации (доходящий до фанатизма) реализации ее на практике, а также мораль, существенно отличающуюся от общепринятой.

На примере эсеровских боевиков симбирской организации ПСР подробно исследуются социально-демографические характеристики, партийные биографии, участие в террористической деятельности, поведение в заключении, а также отношение к совершенным террористическим актам.

В итоге, мы констатируем наличие у эсеровских террористов в Поволжье многих общих черт с их сторонниками за пределами региона.

В третьей главе исследуются основные направления, их взаимосвязь, формы, механизмы реализации, методы процесса противодействия революционному террору подразделений политической полиции Поволжья.

Направления противодействия оставались старыми (профилактика, розыск, дознание), вытекая из существующей реальности, акцент в них зависел от типа и вида подразделения (ГЖУ, ЖПУ ж.д., охранных отделений), что и нашло отражение в нормативной базе.

Организационно-правовые формы профилактики включали в себя многочисленные аспекты функционирования политической полиции, которые были направлены на создание препятствий для подготовки террористических актов.

Политическая полиция, реализуя нормативные акты, принятые законодательными органами, предприняла ряд мероприятий организационно-правового характера, наиболее значимыми из которых являлись: контроль за лицами, потенциально способными совершить данные деяния; стабилизация паспортной и регистрационной систем; реализация ужесточенного правового режима приобретения, ношения, хранения и использования короткоствольного огнестрельного оружия; действия по реализации усиленной уголовной ответственности за незаконное изготовление, хищение, хранение взрывчатых веществ и взрывных устройств. Осуществление перечисленных мероприятий позволило в определенной мере решить две указанные выше задачи. Однако суммарная эффективность воздействия перечисленных мероприятий была меньшей, чем было необходимо для предотвраще-

ния формирования и ликвидации данных условий в полном объеме (а тем более самого террора), что вызывало к жизни другие направления деятельности.

В антитеррористической деятельности политической полиции основное внимание уделялось политическому розыску, что закономерно вытекало из принадлежности анализируемого института к полицейским органам. Целями его было пресечение подготовки, предотвращение совершения подготовленных актов и выявление обстоятельств, круга лиц, имеющих отношение к реализованным террористическим актам, актам терроризма, а также преступлениям с признаками терроризирования, задержание.

Политический розыск осуществлялся по двум линиям. Первая включала в себя выявление, задержание, изоляцию физических лиц, главным образом членов боевых подразделений революционных партий, связанных с подготовкой и реализацией террористических актов, а вторая - ликвидацию финансовой и материально-технической базы террора.

Выявление различных боевых структур областных и губернских комитетов, групп революционных партий и освещение их деятельности постоянно занимали центральное место в поле зрения местных подразделений политической полиции.

После установления факта наличия подобных организационных формирований партий и выявления круга их членов деятельность ГЖУ, ЖПУ ж.д. и охраняемых отделений была направлена на их ликвидацию. При этом ликвидация специализированных формирований относилась только к розыскной, а боевых дружин - также и к профилактической деятельности данного государственного института.

В 1906-1907 гг. на этом поприще местными подразделениями института в Поволжье были достигнуты определенные успехи. Однако далеко не все, даже достаточно активные боевые подразделения местных организаций удалось ликвидировать. Одновременно, благодаря мероприятиям политической полиции, направленным на прекращение их деятельности, и общеполитической ситуации наблюдается тенденция самоликвидации боевых партийных формирований.

Параллельно с этим осуществлялся розыск отдельных членов специализированных формирований боевых дружин местных комитетов и организаций ПСР и РСДРП, а также лиц, не входивших в них, но принимавших активное участие в террористической деятельности. В случае обнаружения они задерживались и арестовывались.

Руководство политической полиции принимает меры по совершенствованию технических средств для повышения результативности розыска, его качественного информационного обеспечения и идентификации личностей террористов.

Далее подробно анализируются основные методы политического розыска, с помощью которых местные подразделения осуществляли антитеррористическую деятельность: внутреннее и наружное наблюдение, перлюстрация. Под влиянием кризиса в функционировании ГЖУ и ЖПУ ж.д. перешли к методам ведения политического розыска, использовавшимся в охранных отделениях с 1902-1903 гг.

Местные подразделения пресекали террористические акты на различных стадиях их подготовки. Со второй половины 1906 г. во многих случаях с помощью оперативно-розыскных мероприятий удавалось предупреждать их реализацию. Однако на протяжении всего периода революции служащие полиции были вынуждены пресекать их и уже в ходе начавшегося процесса реализации.

Механизмы функционирования местных подразделений после совершения преступлений террористического характера варьировались в зависимости от ситуации. Во-первых, информация о факте совершения террористического акта немедленно сообщалась руководству политической полиции шифрованной телеграммой. Во-вторых, параллельно с предварительным следствием, по факту совершения акта местное подразделение начинало, а в случае необходимости, после прекращения следствия, продолжало оперативно-розыскные мероприятия. На данном этапе розыск осуществлялся двумя порядками, в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

В случае задержания террористов на месте преступления оперативно-розыскные мероприятия включали в себя: установление личностей террористов (при необходимости), места их проживания, производство там обыска и установление круга соучастников, мест их нахождения (при необходимости), а также арест, обыск их жилищ. Целями перечисленных действий являлись: изоляция террористов от сообщников и общества, получение доказательств для привлечения их к уголовной ответственности и новых данных для продолжения розыска, а также ликвидация материальной базы террористов.

На примере материалов дела по факту гибели генерал-адъютанта В.В. Сахарова 22 ноября 1905 г. в Саратове детально реконструирован и проанализирован механизм проведения оперативно-розыскных мероприятий в случае задержания террориста на месте совершения акта. В результате политической полиции не только не удалось выявить круг соучастников, но даже и установить личность террористки - А. Биценко.

В других случаях задержания террориста на месте совершения акта механизм проведения оперативно-розыскных мероприятий развивался по иному сценарию, и результаты его были положительными. Он анализируется на примере гибели самарского губернатора И.Л. Блока 21 июля 1906 г., когда на месте взрыва бомбы был задержан исполнитель – член Поволжского летучего отряда Фролов, лич-

ность которого была установлена, и оперативно выявлены и арестованы его сообщники.

В ряде случаев задачи розыска упрощались до минимума - установить наличие соучастников в совершении акта, так как личность террориста и мотивы определялись сразу после задержания. Такой вариант механизма оперативно-розыскных мероприятий развивался по факту убийства 28 апреля 1905 г. начальника Нижегородского охранного отделения ротмистра А.В. Грешнера прибывшим из Москвы поднадзорным членом революционной партии Никифоровым.

В случае, когда лица, причастные к террористической деятельности, не были задержаны на месте преступления (скрылись, отсутствовали на месте совершения террористического акта, были выявлены в ходе формального дознания), розыск осуществлялся по механизму другого типа. Оперативно-розыскные мероприятия в этом случае были направлены, во-первых, на установление круга лиц, причастных к данному акту (если террористы неизвестны), а если они известны (или по мере их установления) - на выяснение места их нахождения, во-вторых, на организацию их задержания и ареста и, в-третьих, на выявление наличия, места нахождения и ликвидацию материальной базы террористов.

В данном случае политический розыск был сопряжен с массой сложностей, непредвиденных обстоятельств. Механизм оперативно-розыскных мероприятий второго типа детально реконструируется и анализируется на примере взрыва в канцелярии Казанского ГЖУ 11 марта 1906 г.

Можно констатировать, что оперативно-розыскные мероприятия, развивающиеся по второму типу, значительно реже имели положительные результаты, даже в случае, если первая стадия их была успешно завершена, то есть личности террористов установлены. За это время они перемещались на большие расстояния от места совершения деяния (так, нелегально эмигрировал в Швейцарию, после неудачного его задержания 11 сентября 1905 г., член Саратовского комитета ПСР, причастный к организации динамитной мастерской А.В. Милашевский), что в условиях слабой координации розыскной деятельности местных подразделений, низкого уровня использования политической полицией технических средств позволяло им избежать ареста.

Важным направлением антитеррористической деятельности подразделений Поволжья на поприще политического розыска была ликвидация финансовой и материально-технической базы террора.

Первое было связано с пресечением каналов поступления денежных средств в партийные кассы всех уровней. Выделяются две формы получения финансовых средств: пожертвования и экспроприации. Местные подразделения политической полиции в отношении лиц, осуществлявших сборы пожертвований, проводили до-

статочной лояльную политику, в силу сложности привлечения их к уголовной ответственности. Начало ухудшения финансирования за счет пожертвований либеральной части общества (одним из условий чего явились негативные стороны террора) было одной из причин, толкнувших повсеместно структуры революционных партий на производство экспроприаций с осени 1906 г. в невиданных ранее размерах, которые продолжали нарастать и после завершения революции. На информацию о подготовке и совершении актов экспроприации полиция реагировала оперативно и жестко. Это обуславливалось высокой социальной опасностью экспроприаторов, связью результатов их деятельности с финансированием террористов, реальной возможностью привлечения их к ответственности.

Ликвидация материально-технической базы террора реализовывалась через выявление и ликвидацию мест производства и хранения взрывных устройств, складов оружия, боеприпасов, а также каналов их транспортировки. Деятельность поволжских подразделений по всем перечисленным направлениям можно оценить как относительно эффективную.

С конца 1905 г. эффективность политического розыска по данной группе составов неуклонно увеличивается, но она явно отставала от потребностей времени.

Еще одной формой функционирования местных подразделений в сфере борьбы с террором являлось дознание.

Существовало три формы производства расследований по фактам совершения преступных деяний, связанных с террором: предварительное следствие, формальное дознание и переписка в порядке охраны.

К 1905 г. сложилась практика, неукоснительно соблюдавшаяся в период революции, что по фактам совершенных преступлений террористического характера чины прокурорского надзора всегда возбуждали предварительное следствие, которое производили судебные следователи по особо важным делам, к чему служащие политической полиции прямого отношения не имели.

Жандармские офицеры осуществляли дознания по фактам террористической деятельности, пресеченной чинами данного института на стадии ее подготовки или реализации (не имевшей каких-либо социально опасных последствий) в формальном или административном порядке. Формальный порядок производства дознаний был предусмотрен ст.1035 и регламентировался нормами других статей второго отделения второго раздела «О производстве по государственным преступлениям» Устава уголовного судопроизводства. В ходе его производства и оценки результатов роль прокурора часто была решающей.

В условиях продолжающихся социальных потрясений самодержавие узаконило частичный отход от ряда принципов и норм «Устава уголовного судопроизводства» посредством принятия серии подзаконных актов и законов, изменяющих подсудность категории дел, связанных с террором (от гражданских судов к воен-

ным) на территориях с особым правовым режимом. Как правило, розыск и досудебное расследование по данным фактам местными подразделениями прекращались.

Дознания в административном порядке «переписки» осуществлялись на базе норм ст.ст.21 и 29 Положения о государственной охране 14 августа 1881 г., только по основанию политической неблагонадежности лица. То есть при наличии информации об участии его в актах террора на стадии их подготовки, реализации (не имевшей каких-либо социально опасных последствий). Состав материалов, представляемых ГЖУ и охранными отделениями губернатору и пересылаемых им в Особое совещание МВД, содержал обычно сведения, полученные в результате розыска. Несмотря на встречающееся мнение о применении ссылки к революционерам без существенных оснований, руководство политической полиции требовало убедительной аргументации их виновности.

Таким образом, малоэффективная антитеррористическая деятельность волжских подразделений политической полиции в 1905 г., в течение 1906 - первой половины 1907 гг. поднялась на качественно новый уровень. Однако даже он оказался недостаточным для оперативной ликвидации террора как общественного явления, порожденного разноплановыми причинами, которые не могли быть разрешены только силовыми методами.

В заключении содержатся основные выводы и обобщения, сделанные в ходе диссертационного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Романова Г.В. Краткий исторический очерк подразделений МВД Симбирской губернии - Ульяновской области / Г.В. Романова, Л.А. Сомова, А.И. Шарапов. - Ульяновск: ООО «Стрежень», 2001. – 200 с.
2. Романова Г.В. В борьбе с преступностью - по долгу и службе / Г.В. Романова, Г.Е. Рябов, Ю.В. Царапкина. - Сызрань: Сызранское полиграф. объединение, 2002. – 160 с.
3. Романова Г.В. Личный состав политической полиции Российской империи как объект актов революционного террора: вторая половина 70-х гг. XIX - начало XX вв. / Г.В. Романова // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. – Вып.38. - Тольятти: ВУиТ, 2004. - С.212–220.
4. Романова Г.В. Организационно-правовые мероприятия по профилактике террористических актов и актов террора в 1905-1907 гг. / Г.В. Романова // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. – Сер. Юриспруденция. – Вып.41. - Тольятти: ВУиТ, 2004. - С.249–251.